

СОБАЧИЙ ВОЙ

Далеко по песчаным дюнам, степям раздавался многоголосый собачий вой. Это был не вой одной-двух собак или стаи. Целый «оркестр» разноголосых тональностей от высокого — скулящего, до басистого (львиного) рыка. Он сводил с ума любого человека, услышавшего этот странный вой, просящий о помощи. Помощи прийти было неоткуда. Воздух тогда накалился до 55 градусов! А что же творилось в вагонах, где в каждом находилось не менее пятидесяти собак! Вёл этот воющий состав мой отец — машинист паровоза. Железная дорога считалась во время войны передовой, поэтому мой отец находился «дома» и работал старшим машинистом. Воды еле хватало паровозу, чтобы благополучно довести состав до станции с наливной колонкой.

Отец всю жизнь держал собак охотничьих пород. Они для него были и друзьями, и помощниками на охоте и дома. Вой сотен собак доводил его до слёз! И вот тогда отец принял решение, в ущерб паровоза, дать воды собакам, хотя воду в котле необходимо было экономить. Перегрев котла мог привести к взрыву. Несмотря на это отец раздавал сопровождающим воду, которую в ведрах, стараясь не расплескать ни капли, разносили по вагонам и поили собак. Доведя благополучно состав до станции, его ставили на запасных путях.

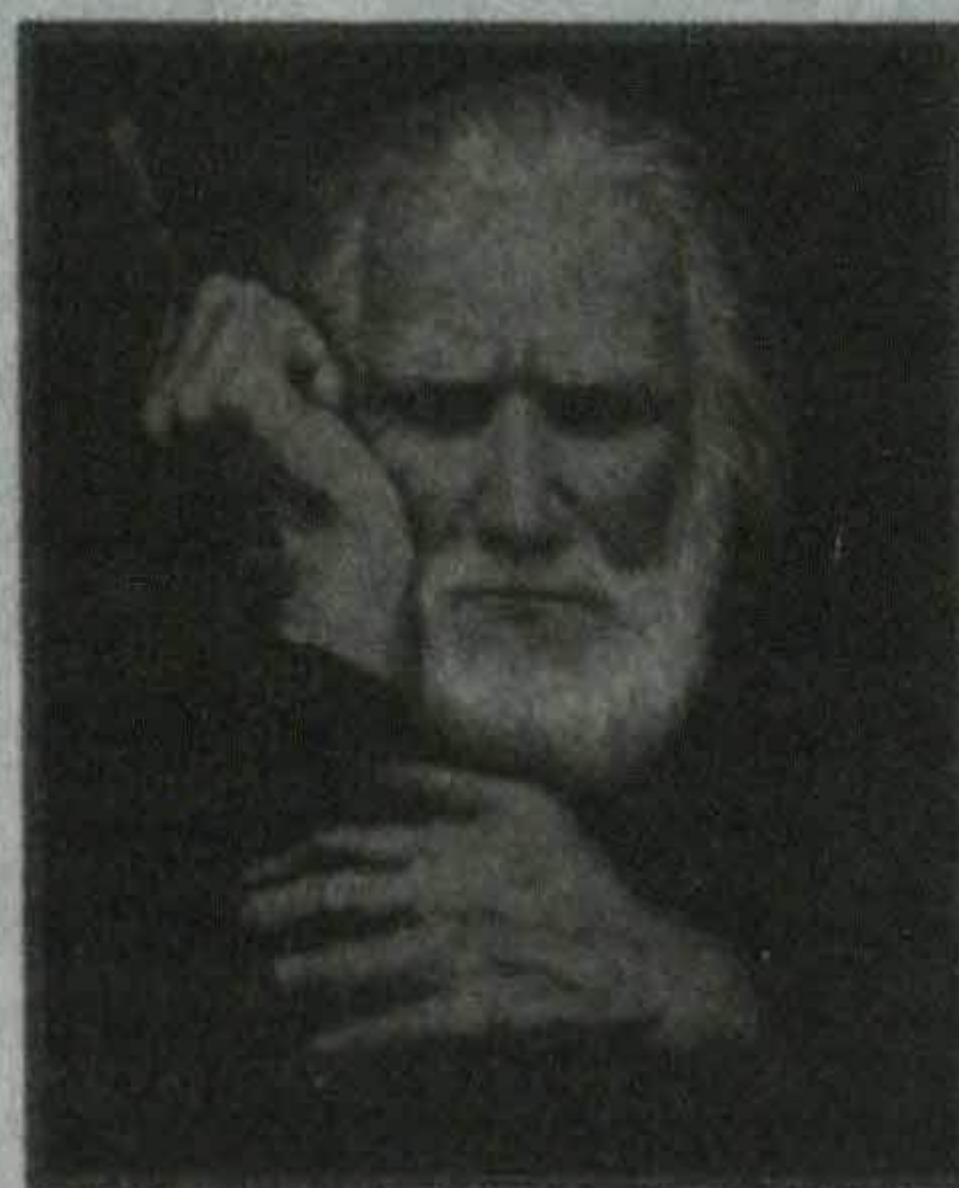
Недалеко от железной дороги находился полигон, где были вырыты П-образные столбы, к которым привязывали собак. Собаки были разных пород, но в основном это были азиатские волкодавы с обрубленными хвостами и ушами. Это очень крупная порода собак, казахи держали их как пастухов и против нашествия волков. Были и овчарки. Это были собаки-санитары.

Состав с собаками стоял подолгу. Пока их откармливали, отпаивали и продолжали дрессировать. Мы, пацаны, бегали всегда, когда приходил очередной состав, и наблюдали за ними. Волкодавов дрессировали подрывниками. В степи стояли танки, и они бросались под них с привязанными к спине мляжками взрывчаток. Под танками крепили куски мяса, и волкодавы с жадностью проглатывали их, не обращая внимания на шум заведённых моторов. Некоторые танки даже медленно двигались. Стоял какофонический шум на этом полигоне. Визг, лай собак, вой заведённых машин, дымовые, вонючие шашки, а собаки металась по всему полигону. Овчарки вели себя по-другому. Кое-где по полю солдаты саперными лопатками вырывали небольшие ямы и ложились около них, притворяясь ранеными. Овчарки с санитарными сумками с белыми крестами подбегали к «раненому» солдату. Солдаты их ласкали, обнимали, угощали вкуснятиной. Овчарки хватали их за телогрейки и от-

Юрий Назаров

Два рассказа

Юрий Назаров — художник, лауреат художественной премии имени Кирилла Килпалина. Весной у художника состоялась персональная выставка «Цветы от Юрия Назарова», которая вызвала большой интерес у почитателей его таланта. Сегодня мы представляем рассказы, которые составляют первую прозаическую книгу камчатского художника.

таскивали в вырытые ямы. Ещё мы обратили внимание на одну овчарку. Она была крупная, довольно упитанная, против других собак. Смирно сидела около огромного мешка и никуда не уходила, даже не двигалась. Она сидела, как скульптура. Иногда к ней подбегали другие собаки, но она не обращала никакого внимания, только зло щёлкала. А когда к ней подходил солдат в ватнике — бросалась на него и громко лаяла.

И вот уже из рассказа отца я услышал такую историю. Когда отец спас собак от обезвоживания, на станции к отцу подошёл старший сопровождающий состава. С овчаркой на поводке. Он со слезами на глазах благодарил отца за спасение собак и сказал: «Товарищ машинист, возьмите эту овчарку, — назвав её по имени. — Она будет вам самым преданным и верным другом, выполнять любую команду, охранять семью, а если Вы оставите какую-либо поклажу и прикажете «охранять», она умрёт, но не сдвинется с места и никого не подпустит, пока вы не придёте!» Отец благодарил офицера, но взять собаку отказался, сказав: «Я охотник, у меня прекрасный сеттер, а за овчарку вам спасибо! Я же воды дал из жалости к собакам, а не за мзду! Спасибо!»

А спустя полгода на имя начальника железной дороги пришло письмо с фронта. В нём сообщалось, что машинисту паровоза станции Ново-Казалинск, товарищу Назарову, который спас собак для фронта, объявить благодарность. Собаки, спасённые им, подорвали десятки вражеских танков, собаки-санитары спасли сотни раненных солдат. А овчарка, от которой Назаров отказался, спасла лично жизнь того офицера — старшего сопровождающего.

Отец за сопровождение фронтовых поездов, как пассажирских, так и грузовых, был награждён орденами и медалями.

КУКЧА

До войны наша семья жила в большом, из красного кирпича, купеческом доме. Во дворе четыре сарая. В двух сараях отец держал голубей. Их было около сотни или более. Собирали отец красивых, редких голубей. Это были краснотелые, лохмоногие, белые статные, жиганы (чёрно-белые), турпаны-двучу-

бые, чугуны (рыжие) и столбовики, к которым относилась и Кукча. В голубятнях было чисто, у каждой пары — своё гнездо. Кормили голубей пшеницей, просом и другой крупой.

Не знаю, почему ей дали такую кличку — Кукча. Она была белая с серыми крапинками. Славилась она среди остальных голубей своей преданностью дому и уникальными летными способностями. Многие голубятники завидовали отцу, что у него такая удивительная голубка, и уговаривали продать её. В конце концов уговорили отца обменять на мыло. До войны мыло было большим дефицитом. Мыло даже меняли на хлеб. Договорились сделать обмен без отдачи, то есть, если она вернётся домой, то снова её надо было выкупать. И она возвращалась. И снова её обменивали. Так продолжалось неоднократно, пока дело не дошло до большого скандала и угроз со стороны её новых владельцев. Однажды они явились с топорами, грозясь порубить семью, пока отец будет в поездке. Пришёл дед — мамин отец (казак-атаман) и приказал отцу избавиться от голубей. Кукчу снова отдали. А на утро весь двор был залит кровью и усыпан перьями. Отец со злости и возбуждения, а больше от страха потерять семью, убил всех голубей.

Кукча не прилетала больше месяца. Ей вырвали моховые перья из крыльев, чтобы она не могла улететь. Но не успели отрасти крылья, как она снова появилась у нас. Оказалось, что у неё ещё и разорван зоб. То ли злодеи ей порвали, или коршун настиг в полёте. Мама зашила зоб шёлковыми нитками. Всю зиму Кукча жила в доме, где мы с любовью её обихаживали.

И вот наступила весна. Вся наша семья вышла на крыльцо дома. Было солнечное утро и небо было синее-синее. Мама держала Кукчу, а рядом стояли три сестры и я. Отец был в поездке. Он работал машинистом паровоза. Мама выпустила Кукчу из рук, и она, ещё не поднявшись выше крыши, начала кувиркаться и взмывать свечкой в небо. Постоянно кувиркаясь, Кукча всё выше и выше поднималась в глубокое синее небо. Мы заворожено наблюдали и восторгались её космическим полётом. А она всё удалялась в высь небесную, пока не превратилась в маленькое белое «зёрнышко». Это было потрясающее зрелище — глубоко чёр-

но-синее небо, а в нём маленькая живая трепещущая точка — наша любимая Кукча. И вдруг она стала камнем падать вниз. Всё ближе и ближе к земле. Мы думали, что она устала и хочет вернуться домой. Но она, сложив крылья, словно в комок, продолжала падать. Со страшной скоростью из глубины бездонного неба она ударилась о землю. Я подбежал к месту, где она разбилась. На перекрёстке двух улиц лежал белый комочек голубки, а вокруг разлетелись белые перья. Я взял и прижал к груди её ещё тёплое тельце. И побежал во двор, где меня ждали испуганные мама и сёстры. У них были бледные лица. И тут раздался плач. Все не плакали, а ревели, и у меня тоже текли слёзы. Мы так любили её и гордились ею и вот лежит беленький с крапинками расплюснутый комочек Кукчи и только глаза открыты, как бы прощаясь с нами. Казалось, что они ещё живые — её большие две бусинки глаз с красной каёмочкой вокруг. Подошла мама и закрыла ей глаза.

А утром следующего дня вернулся отец с поездки. Мама, сёстры и я встретили его со слезами. Все сели за стол и, перебивая друг друга, рассказывали отцу о её последнем полёте. Решили захоронить Кукчу на заднем дворе. Сделали «гробик» из почтового ящика, постелили на дно соломки, а на неё положили Кукчу. Поставили крестик, который соорудили из камыша.

Я часто приходил на её могилку и подолгу сидел, уткнувшись взглядом в маленький холмик с крестиком. С собой я брал пшено или пшеницу и сыпал на холмик, мне хотелось, чтобы и там — в её далёком загробном мире — она была не голодной. Я глядел на холмик, а в глазах стоял последний её полёт.

Я пишу эти воспоминания о Кукче по прошествии шестидесяти с лишним лет, как будто это было вчера. Спасибо тебе, Кукча!

Р. С. Я всё время думал — откуда появилось это имя — «Кукча». Позже, работая в театрах Казахстана, где много у меня было друзей-казахов, я узнал такую версию. У казахов есть такой напиток — «Кокшай» — это когда чай с молоком. Напиток молочного цвета, а в нём крупинки чая. Раньше, часто бывая в гостях у казахов, угощался этим напитком. Особенно он хорош в зимнюю стужу — хорошо согревает и душу, и тело. Видимо, от этих слов и произошёл имя Кукча.

Вспоминаю и такой момент. Голубятники, а их в Казахстане было много, часто спорили. Споры были разные. Спорили и на деньги, и на голубей, и на вещи, и даже на жён. Один из них — это когда голубя приносят в чужую голубятню, сажают на кирпич и голубь, не слезая с него на землю должен взлететь и прилететь к себе домой. Если же голубь сходил с кирпича — значит, хозяин проспоривал. Так Кукча, когда её сажали на кирпич — тут же взлетала и кувиркаясь свечкой взмывала в небо. Отец приходил со спорящими домой — Кукча уже сидела на крыше с голубями или в сарае на своём гнезде.